

М. А. Итина

О МЕСТЕ ТАЗАБАГЪЯБСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДИ КУЛЬТУР СТЕПНОЙ БРОНЗЫ

Со времени опубликования С. П. Толстовым первых находок керамики эпохи бронзы Хорезма прошло более 25 лет¹, а споры вокруг тазабагъябской культуры, выделенной им в результате анализа этих находок, не утихают.

За это время изучение памятников первобытной культуры на территории СССР достигло большого размаха, что, в первую очередь, относится к изучению памятников этой эпохи на территории Средней Азии. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, руководимая С. П. Толстовым, все эти годы специально занималась исследованием памятников эпохи неолита и бронзы в древних дельтах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, по берегам древнего русла Узбой². Большое место в этих работах было отведено исследованию памятников тазабагъябской культуры, широко распространенных и достаточно хорошо сохранившихся в Южной Акча-Дарьинской дельте Аму-Дарьи.

Открывший тазабагъябскую культуру С. П. Толстов в 1939 г. писал, что керамика ее «...чрезвычайно близко напоминает керамику бронзового века Поволжья, Казахстана и Минусинского края, относящуюся к так называемой срубной (Поволжье) и андроновской (Сибирь и Казахстан) культурам. Она представляет, таким образом, своеобразный вариант бронзового века степной полосы Юго-Восточной Европы и смежных областей Азии»³. Этот тезис последующие работы подтвердили и развили.

Раскопки поселений и могильника тазабагъябской культуры⁴, материалы множества развешенных стоянок действительно показали, что тазабагъябская культура входит в ареал культур степной бронзы Евразии, которые, поскольку это касается территории Средней Азии, охватывают ее северную, степную часть. Удалось подтвердить и несомненное сходство ее материальной культуры (керамики, орудий, украшений) с андроновской культурой (в ее западноказахстанском варианте) и срубной культурой, причем с последней даже в большей степени.

Это сходство проявилось и в ряде других компонентов — в погребальном обряде, домостроительстве и т. д.

¹ С. П. Толстов, Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии «Вестник древней истории (далее ВДИ)», 1939, стр. 174—176.

² См., например: С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1964; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой (история формирования и заселения), «Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции» (далее МХЭ), вып. 3, М., 1960.

³ С. П. Толстов, Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии, стр. 174.

⁴ М. А. Итина, Новые стоянки тазабагъябской культуры (работы 1956 г.), МХЭ, вып. 1, М., 1959, стр. 52—69; ее же, Раскопки стоянок тазабагъябской культуры Анг-ка 5 и Кават 3 в 1957 г., МХЭ, вып. 4, М., 1960, стр. 82—103; ее же, Раскопки стоянки Кават 3 в 1958 г., МХЭ, вып. 6, М., 1963, стр. 103—106; ее же, Раскопки могильника бронзового века Кокча 3, в кн. «Могильник бронзового века Кокча 3», МХЭ, вып. 5, М., 1961.

Столь смешанный характер культуры, который был подкреплён и данными антропологии⁵, отсутствие генетической преемственности между тазабагъябской и неолитической кельтеминарской культурой, между которыми существует к тому же и значительный хронологический разрыв, — все это заставило нас предположить, что истоки происхождения тазабагъябской культуры следует искать не собственно в Хорезме, а к северо-западу от Южного Приаралья, в Южном Приуралье, Оренбургских степях, где по крайней мере с середины II тысячелетия до н. э. шел процесс смешения андроновских и срубных племен. При этом мы всегда подчеркивали, что тазабагъябская культура отнюдь не является вариантом срубной или андроновской, это вполне самостоятельная культура, окончательно сформировавшаяся в Хорезме в результате смещения пришельцев с аборигенами-носителями суярганской культуры на ее раннем, камышлинском, этапе⁶.

Носители тазабагъябской культуры занимались скотоводством и земледелием, причем открытие близ могильника Кокча 3 полей или огородов в виде небольших обвалованных участков дало в свое время основание предположить, что уже в третьей четверти II тысячелетия до н. э. население Хорезма сделало первые шаги на пути развития ирригационного земледелия⁷.

Новые открытия крупных очагов распространения культуры степной бронзы в низовьях Зеравшана⁸ и в Фергане⁹, новые материалы, полученные нами в ходе наших исследований на памятниках тазабагъябской культуры, значительное расширение работ по изучению памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье¹⁰ — все это заставляет нас вновь вернуться

⁵ Т. А. Трофимова, Черепа из могильника тазабагъябской культуры Кокча, 3, В кн. «Могильник бронзового века Кокча 3», МХЭ, вып. 5, М., 1961, стр. 97—146.

⁶ С. П. Толстов и М. А. Итина, Проблема суярганской культуры, «Сов. археология», 1960, № 1.

⁷ С. П. Толстов и Б. В. Андрианов, Новые материалы по истории развития ирригации Хорезма, «Краткие сообщения Ин-та этнографии» (далее КСИЭ), XXVI, 1957, стр. 5.

⁸ Я. Г. Гулямов, Археологические работы к западу от Бухарского оазиса, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Уз. ССР», вып. VIII, 1956, стр. 149—158; А. Аскарлов, Памятники эпохи бронзы в районе Махан-Дары, «Научные работы и сообщения», кн. 4, Ташкент, 1961, стр. 272—280; его же, Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана, «История материальной культуры Узбекистана» (далее ИМКУ), вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 28—41; его же, Новые находки андроновской культуры в низовьях Зеравшана, ИМКУ, вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 53—60; его же, Низовья Зеравшана в эпоху бронзы, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., 1962.

⁹ Б. А. Литвинский, Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайрак-Кумов. В кн. Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов, Древности Кайрак-Кумов, Душанбе, 1962.

¹⁰ К. В. Сальников, Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала, «Вопросы археологии Урала» (далее ВАУ), вып. 1, Свердловск, 1961; его же, Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы, «Археология и этнография Башкирии» (далее АЭБ), т. I, Уфа, 1962, стр. 16—58; его же, Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии, АЭБ, т. II, Уфа, 1964, стр. 67—83; его же, История Южного Урала в эпоху бронзы. Доклад по опубликованным работам, представленный на соискание ученой степени доктора исторических наук, М., 1965; К. Ф. Смирнов, Савроматы, М., 1964, стр. 174—191; Е. Е. Кузьмина, Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры, Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии», М., 1964, стр. 121—140; Э. А. Федорова-Давыдова, Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. (К вопросу о периодизации андроновской культуры), «Труды Государственного исторического музея» (далее «Труды ГИМ»), вып. 37, М., 1960; ее же, Новые памятники эпохи энеолита и бронзы в Оренбургской области, ВАУ, вып. 2, Свердловск, 1962; ее же, К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье, АЭБ, т. II, Уфа, 1964, стр. 83—92.

к вопросу о тазабагъябской культуре и ее судьбах, тем более что новые открытия повлекли за собой и возникновение новых точек зрения на историю степных племен Средней Азии в эпоху бронзы, в которой немалую роль играли и тазабагъябские племена. Мы уже писали об элементах сходства материальной культуры тазабагъябцев со срубной и андроновской (со срубной в большей степени). В свое время мы пытались это показать при анализе керамики и украшений из могильника Кокча 3. Сейчас нам хотелось бы вновь к этому вернуться с учетом новых данных, полученных за последние годы, тем более что некоторые исследователи до сих пор не признают правомерность выделения тазабагъябской культуры как самостоятельной¹¹, полагают, что ее памятники следует относить к андроновской культуре или, в лучшем случае, считать их принадлежащими к ее локальному варианту¹². В последнее время в археологической литературе появился даже термин — «андроновско-тазабагъябская культура»¹³, или «тазабагъябско-андроновская»¹⁴. Наши оппоненты, давая свои оценки, как нам кажется, не учитывают всей суммы имеющихся фактов. Все они рассматривают тазабагъябскую культуру лишь в «андроновском» аспекте, совершенно игнорируя ее очень сильный срубный компонент, не говоря уже о местном. Однако обратимся к фактам.

Для керамики тазабагъябской культуры характерен довольно устойчивый набор форм, среди которых основную массу составляют горшки, в то время как сосуды баночной формы встречаются очень редко. Все сосуды ручной лепки, изготовлены ленточным способом, в глине — смесь дресвы и толченых раковин, обжиг слабый и неравномерный, что видно по черному излому черепка и пятнистой поверхности сосудов. Поверхности сосудов часто вытерты травой, имеют желтоватый, красноватый или серый цвет. В целом сосуды имеют довольно грубый вид, причем лощение здесь почти не встречается. Наиболее характерной формой являются горшки с невысоким слегка изогнутым горлом, с плоским березком и выступающим, слегка округленным венчиком, плавным переходом к уступу плеча (плечи сосуда иногда довольно сильно раздуты), округлым туловом и плоским дном с уступчиком (рис. 1, 1—4). Прямых аналогий этим горшкам ни в срубной, ни в андроновской керамике мы не найдем, но более остросереберные и приземистые экземпляры, бесспор-

¹¹ С. С. Черников, Восточный Казахстан в эпоху бронзы, «Материалы и исследования по археологии СССР», (далее МИА), 88, 1960, стр. 111, табл. В; см. там же список памятников андроновской культуры, стр. 157—159; М. П. Грязнов, Границы андроновской культуры, Тезисы доклада, стр. 3, пункт 7. Доклад прочитан в декабре 1964 г. в Ленинграде, см. также «История Киргизии», т. 1, Фрунзе, 1963, гл. I, § 2. Бронзовый век (автор М. П. Грязнов), стр. 55—57; Б. А. Латынин, Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия древней Ферганы, Обобщающий доклад по работам, представленным как диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук, Л., 1962, стр. 25; его же, К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой, «Археологический сборник Гос. Эрмитажа» (далее ГЭ), вып. 6, Л., 1964, стр. 56.

¹² М. Н. Комарова, Относительная хронология памятников андроновской культуры, Археологический сборник (ГЭ), вып. 5, Л., 1962, стр. 64, 69; А. Аскаров, Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи, ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 34—35; его же, Низовья Зеравшана в эпоху бронзы; В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1964, стр. 184; его же, Историческое место среднеазиатской цивилизации, «Сов. археология», 1964, № 1, стр. 23, примеч. 45.

¹³ А. Аскаров, Низовья Зеравшана в эпоху бронзы, стр. 3.

¹⁴ Ю. А. Заднепровский, Древнеземледельческая культура Ферганы, МИА, 118, М.—Л., 1962, стр. 94, 96.

но, ближе всего стоят к срубным¹⁵. Срубные же параллели дают и сосуды, приближающиеся по форме к баночным, с коротким направленным внутрь горлом и довольно плавным общим профилем (рис. 1, 6)¹⁶, а также горшки с перегибом плеч, приходящимся примерно на середину тулова (рис. 1, 10—11)¹⁷. Очень немногочисленна группа керамики, дающая сосуды баночной формы с характерным алакульским уступчиком при переходе от горла к тулову (рис. 1, 7), которая находит себе прямые параллели в керамике алакульского типа Южного Приуралья и Западного Казахстана (Алексеевка)¹⁸.

Совершенно не характерны ни для срубной, ни для андроновской культур короткогорлые открытые сосуды с сильно раздутым туловом и узкогорлые варианты этой формы (рис. 1, 8—9, 12)¹⁹ (о происхождении их мы скажем ниже).

В статье М. Н. Комаровой «Относительная хронология памятников андроновской культуры» приведены таблицы керамики андроновской культуры из различных областей ее распространения²⁰. Сравнив формы тазабагъябской посуды с формами горшков алакульского типа на этих рисунках, мы легко убедимся в том, что, во-первых, в целом эти комплексы отличны, а те элементы сходства, которые все же имеются, сближают наши экземпляры с материалами из Южного Приуралья и Западного Казахстана²¹.

То же самое можно сказать и об орнаментации тазабагъябской керамики. На большинстве тазабагъябских сосудов орнамент располагается зонально, на шейке и плечиках сосудов, очень редко у дна. Между орнаментальными зонами, как бы разделяя их, расположены ряды горизонтальных желобчатых полос, иногда с заключенными между ними каплевидными насечками, штриховкой или просто неорнаментированная поверхность. Подобная закономерность в расположении орнамента действительно характерна для андроновской керамики Западного Казахстана и Южного Приуралья²².

Тазабакъябская серия в то же время дает сосуды, украшенные орнаментом лишь в их верхней трети, без деления на орнаментальные пояса. Очень немного сосудов сплошь покрытых орнаментом — и в этом так-

¹⁵ Н. Я. Мерперт, Материалы по археологии Среднего Заволжья, МИА, 42, 1954, стр. 65, рис. 12, 1; стр. 107, рис. 28, 17; стр. 127, рис. 37, 8, 10; И. В. Силицын, Археологические памятники у с. Пролейки, «Уч. зап. Саратовского ун-та», т. 47, 1956, стр. 220, рис. 11; К. В. Сальников, Хвалыно-андоновские курганы у с. Погромного, «Сов. археология», XIII, 1950, стр. 314, рис. 3.

¹⁶ Н. Я. Мерперт, Указ. раб., рис. 25, 15; его же, Из древнейшей истории Среднего Поволжья, МИА, 61, 1958, рис. 16, 2.

¹⁷ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Северное Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, 46, 1955, рис. 10, 7; К. Ф. Смирнов, Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области, МИА, 60, 1959, стр. 223, рис. 8, 15; Н. Я. Мерперт, Материалы по археологии Среднего Заволжья, рис. 20, 25; рис. 29, 1.

¹⁸ О. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник, «Труды ГИМ», XVII, М., 1948, рис. 52, 4, 7; рис. 54, 17; К. В. Сальников, Курганы на оз. Алакуль, МИА, 24, 1952, рис. 11, 2, 4; В. С. Сорокин, Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане, МИА, 120, М.—Л., 1962, табл. XLIII, 1; табл. XLVIII, 30; табл. LI, 63.

¹⁹ В. С. Сорокин, например, прямо пишет, что «люди андроновского общества не изготавливали глиняную посуду с узким горлом» (см. В. С. Сорокин, Указ. раб., стр. 70).

²⁰ М. Н. Комарова, Указ. раб., рис. 5—7.

²¹ Там же, рис. 5, 4, 5, 10—12.

²² М. П. Грязнов, Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане, Сб. «Казахи», вып. II, 1927, стр. 196; К. В. Сальников, Бронзовый век Южного Приуралья, стр. 112; М. Н. Комарова, Указ. раб., стр. 56.

же одно из отличий тазабагъябской керамики от андроновской. Кроме того, довольно много сосудов вовсе не орнаментированы, что, если говорить о параллелях, сближает нашу керамику с западноказахстанской²³, но эта же черта присуща и срубной посуде, которая была украшена гораздо менее пышно, чем андроновская. Орнамент в большинстве случаев

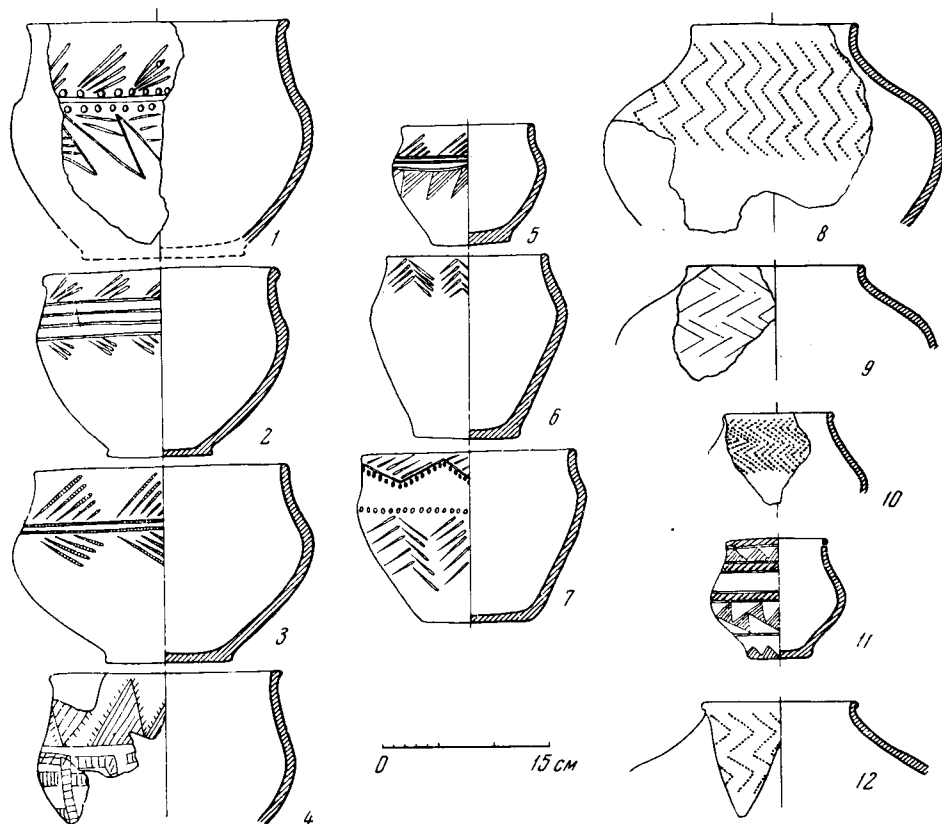

Рис. 1. Керамика тазабагъябской культуры 1, 4, 8—10, 12 — стоянка Кават 3; 2 — стоянка Ангка 5; 3, 5—7, 11 — могильник Кокча 3

резной, встречаются каплевидные насечки, ногтевые вдавления, углубления, сделанные палочкой, треугольной в сечении и т. д. Широко был распространен гладкий штамп; что же касается гребенчатого, то он чаще встречается на относительно более ранних памятниках, а с течением времени количество сосудов, украшенных с его применением, резко сокращается. Отметим, что преобладание резного орнамента характерно также для алакульской керамики Южного Зауралья²⁴, доминирует он и в Алексеевке²⁵.

Орнамент тазабагъябских сосудов всегда геометрический. Это комбинации заштрихованных равнобедренных треугольников вершинами вверх (по горлу) и вниз (по плечикам); косоугольные треугольники (встреча-

²³ М. Н. Комарова, Указ. раб., стр. 54, рис. 3, 28.

²⁴ К. В. Сальников, Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 137.

²⁵ О. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник, рис. 52—54.

ются реже); незамкнутые треугольники, штриховое заполнение которых иногда расходится веером; «елочка» (реже); ряды вертикальных и горизонтальных ломаных линий и т. д. Меандр встречается редко. Все эти мотивы в той или иной комбинации достаточно характерны вообще для керамики степной бронзы Евразии, но мотив незамкнутых треугольников, который М. Н. Комарова считает типичным только для тазабагъябской керамики и, в частности, отличающим ее от керамики других районов распространения андроновской культуры²⁶, хорошо известен в керамике андроновской культуры Южного Приуралья и Западного Казахстана²⁷. Сближает орнаментацию тазабагъябской посуды с комплексами из степей Южного Приуралья и частое употребление полос из разных зигзагов и редкое употребление меандра²⁸.

Бесспорно, что сходство орнаментальных приемов и мотивов — очень важный фактор для определения культурной принадлежности того или иного археологического комплекса, но при этом эти приемы и мотивы должны рассматриваться обязательно в сочетании с формами сосудов, на которые наносился орнамент, и это особенно необходимо в случаях, подобных нашему, когда речь идет собственно о простейших элементах геометрического орнамента, чрезвычайно широко распространенных. А по форме тазабагъябские сосуды, если говорить об аналогиях, скорее сближаются со срубными²⁹. Такое сочетание срубно-андроновских черт в керамике, где к тому же андроновский компонент выступает в варианте, характерном лишь для степей Южного Приуралья, еще раз заставляет подумать о более тесных, чем просто культурные, связях тазабагъябских племен с этими областями.

Находки орудий из металла на тазабагъябских памятниках весьма немногочисленны. Это обломки однолезвийных ножей, иглы с ушками, четырехгранные шилья с костяной рукоятью. Весь этот набор предметов обычен для памятников степной бронзы в целом. Иное дело украшения. (рис. 2). Довольно большая коллекция их была найдена при раскопках могильника Кокча 3. Это в основном бронзовые, выпукло-вогнутые в сечении браслеты с заходящими концами и привески в 1,5 оборота или, как их еще называют, восьмеркообразные привески, желобчатые в сечении³⁰.

Височные подвески находят себе прямые аналогии прежде всего в срубных комплексах. Раскопки могильников в орско-актюбинском районе, проводившиеся в последние годы, дали новые находки подвесок кокчинского типа³¹, некоторые из них имели золотую обкладку. Характерно, что на этой территории подвески такого типа встречены в смешанных

²⁶ М. Н. Комарова, Указ. раб., стр. 64.

²⁷ Э. А. Федорова-Давыдова, К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье, стр. 89, рис. 4, 6; стр. 91, рис. 5, 11, 13; В. С. Сорокин, Указ. раб., рис. 8—9. Наиболее часто этот орнаментальный мотив встречается в срубной группе памятников, есть он и на керамике из могильника Тасты-Бутак (рис. 9) и с поселения того же названия (там же, рис. 10).

²⁸ К. В. Сальников, Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 135, 137.

²⁹ Мы никак не можем согласиться с М. Н. Комаровой, которая считает, что «по формам и орнаментации сосудов эти могильники и поселения (тазабагъябские — М. И.) принадлежат к андроновской культуре» (см. М. Н. Комарова, Указ. раб., стр. 64).

³⁰ М. А. Итина, Раскопки могильника бронзового века Кокча 3, стр. 75—82.

³¹ М. Г. Мошкова, Э. А. Федорова-Давыдова, Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника. «Краткие сообщения Ин-та археологии», (далее КСИА), 101, 1964, стр. 138, рис. 42, 1, 2; Е. Е. Кузьмина, Купухта — могильник андроновской знати, КСИА, 93, 1963, стр. 101, рис. 39, 1; В. С. Сорокин, Археологические памятники северо-западной части Актыбинской области, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры» (далее КСИИМК), 71, 1958, рис. 20, 3.

комплексах, где наряду со срубной керамикой встречается и керамика алакульского типа. Существенно и то, что в восточных и центральных районах распространения андроновской культуры подвески такого типа не встречаются³² Е. Е. Кузьмина, исследовавшая среднеазиатские металлические изделия эпохи бронзы, также обратила внимание на то, что формы и набор типов металлических изделий Приаралья «близки асортименту изделий южноурального металлургического очага, снабжавшего своей продукцией западно-андроновское население и, частично, срубные племена Поволжья»³³. Она же полагает, что тазабагыябские привески в 1,5 оборота следует связывать именно с памятниками орско-актюбинского района³⁴, и высказывает предположение, что дело тут не только в культурных связях, но и в возможном родстве населения западной части Средней Азии с племенами Южного Приуралья³⁵. Таким образом, в области материальной культуры тазабагыябские памятники дают, бесспорно, срубные и андроновские параллели. То же можно сказать и о погребальном обряде тазабагыябских племен³⁶.

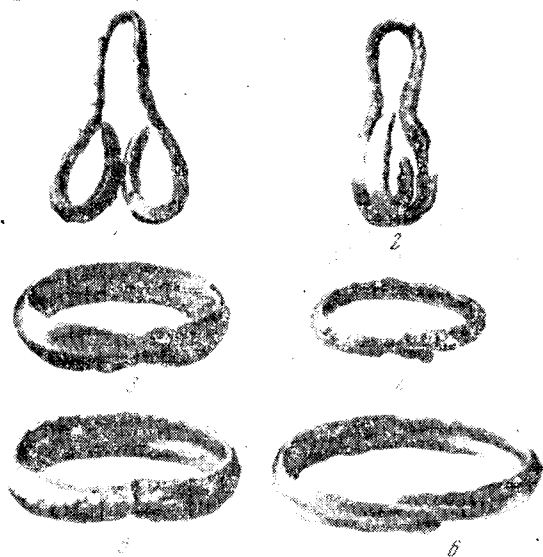

Рис. 2. Бронзовые украшения тазабагыябской культуры (могильник Кокча 3)

которых недавно вышедших работах наша точка зрения была прямо или косвенно поддержана³⁷. Но если наличие андроновского компонента в культуре племен Южного Приаралья можно было бы объяснить их соседством с племенами — носителями андроновской культуры Казахстана, то срубный компонент, да еще такой заметный, требовал своего объяснения. Как уже говорилось, в свое время С. П. Толстовым и автором настоящей статьи была высказана гипотеза о возможном приходе

³² Е. Е. Кузьмина, Указ. раб., стр. 102.

³³ Е. Е. Кузьмина, Развитие производства металлических изделий в Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы (конец V — начало I тысячелетия до н. э.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М., 1964, стр. 14.

³⁴ Е. Е. Кузьмина, Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры, стр. 139.

³⁵ Е. Е. Кузьмина, Развитие производства металлических изделий в Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы, стр. 14.

³⁶ Подробно об этом см.: М. А. Итина. Раскопки могильника бронзового века Кокча 3, стр. 50—53 и др.

³⁷ См., например, К. Ф. Смирнов, Савроматы, стр. 131; Е. Е. Кузьмина, О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии», М., 1964, стр. 154.

племен — создателей тазабагъябской культуры с северо-запада, из Южного Приуралья, Оренбургских степей, где уже тогда был открыт ряд памятников, материал которых был смешанный, срубно-андроновский, ибо эта была обширная зона контактов между этими племенами³⁸.

За последние годы на этой территории были проведены большие археологические работы как К. В. Сальниковым и его сотрудниками, так и Оренбургской экспедицией во главе с К. Ф. Смирновым. Результаты их целиком подтвердили ранее сделанные выводы о наличии на этой территории смешанного срубно-андроновского населения. Об этом вновь пишут, базируясь уже на всей сумме фактов, К. В. Сальников³⁹ и К. Ф. Смирнов⁴⁰, а также исследовавшие отдельные памятники в Орско-Актюбинском районе М. Г. Мошкова и Э. А. Федорова-Давыдова⁴¹.

Антропологический аспект этой проблемы также заслуживает внимания. Как известно, бесспорно андроновский могильник Тасты-Бутак I дал краниологический материал, свидетельствующий о том, что похороненные в нем люди принадлежали к европеоидному среднеземноморскому типу, причем не свойственная этому типу малая высота лица может быть отнесена за счет смешения его «с более низкими типом европеоидной расы, который в эпоху бронзы был широко представлен на обширной территории Казахстана и Южной Сибири»⁴². В. В. Гинзбург считает черепа из Кокча 3 наиболее близкими тасты-бутакской серии и видит в первых результат смешения северного андроновского и южного средиземноморского типов. При этом он относит появление в черепах тазабагъябской культуры средиземноморского компонента за счет стыка на территории Южного Приуралья, северной и южной культур эпохи бронзы, т. е. за счет появления этого компонента из южных областей Средней Азии⁴³. Наряду с этим В. В. Гинзбург связывает черепа из Тасты-Буата I и со срубными черепами из Калиновского могильника⁴⁴, т. е. не исключает появления среднеземноморского типа с территории распространения срубной культуры. Сейчас появились новые факты. Исследованный Э. А. Федоровой-Давыдовой могильник у с. Хабарного в Оренбургской области (к северо-западу от Орска) дал керамику алакульского типа, на которой заметно сильное влияние срубной культуры⁴⁵. Исследовавший черепа из этого могильника В. П. Алексеев отметил в них примесь узколицего европеоидного типа, близкого восточноредиземноморскому, и обратил внимание на сходство этих черепов с черепами из Тасты-Буата, срубными, тазабагъябскими и с черепами с южно-земледель-

³⁸ К. В. Сальников, *Бронзовый век Южного Зауралья*, стр. 146; его же, *Хвалыно-андроновские курганы у с. Погромного*, стр. 318; К. Ф. Смирнов, *Проблема происхождения ранних сарматов*, «Сов. археология», 1957, № 3, стр. 7.

³⁹ К. В. Сальников, *История Южного Урала в эпоху бронзы*, стр. 4—5; его же, *Итоги и задачи изучения археологии Башкирии*, АЭБ, т. II, Уфа, 1964, стр. 9.

⁴⁰ К. Ф. Смирнов, *Савроматы*, стр. 178—179; его же, *Состояние и задачи археологического исследования Оренбургской области*, АЭБ, т. II, Уфа, 1964, стр. 18.

⁴¹ М. Г. Мошкова, Э. А. Федорова-Давыдова, *Указ. раб.*, стр. 136; Э. А. Федорова-Давыдова, *К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье*, стр. 91.

⁴² В. В. Гинзбург, *Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы*, МИА, 120, М., 1962, стр. 196.

⁴³ Там же, стр. 197. Почему-то в заключительной фразе статьи В. В. Гинзбург, вновь подчеркнув связь древнего населения Актюбинского района с населением Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, пишет, что для последнего «характерны андроновская культура и андроновский антропологический тип» (там же, стр. 198).

⁴⁴ Там же, стр. 197.

⁴⁵ Э. А. Федорова-Давыдова, *К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье*, стр. 85.

ческих памятников Средней Азии⁴⁶. Не отрицая возможности появления этого типа в Западном Казахстане как из южных областей Средней Азии, так и с территории распространения срубной культуры, В. П. Алексеев все же высказывается в пользу того, что данная примесь — результат контакта андроновских племен Западного Казахстана со срубными племенами⁴⁷. Нам этот вывод представляется также более правомерным, тем более, что он согласуется с данными археологии.

Археологические работы в Южном Приуралье, проводившиеся в последние годы, позволяют говорить о том, что появление срубных племен в этих районах может быть отнесено уже во всяком случае к середине II тысячелетия до н. э. Так, Новобелогорский могильник, расположенный в непосредственной зоне контакта срубной и андроновской культур, дает и в погребальном обряде и в керамике много черт, присущих полтавkinской культуре. С другой стороны, в этом же комплексе наличествуют керамика алакульского типа и характерные каменные надмогильные сооружения⁴⁸. Таким образом, здесь может идти речь не только о раннем времени появления срубных племен в степях Южного Приуралья, но и о более ранней дате алакульского этапа андроновской культуры. Сильное влияние срубной культуры прослеживается в материалах всех памятников орской группы, а их принадлежность к раннему времени сейчас никем не оспаривается.

К. В. Сальников, удревнивший свою первоначальную датировку алакульского этапа до XIV—XI вв. до н. э.⁴⁹, в своей последней работе предложил отнести дату его сложения «к XV—XIV, а может быть, и к концу XVI в. до н. э.»⁵⁰.

К. Ф. Смирнов полагает, что расцвет андроновской культуры следует теперь относить к XV—XIV вв. до н. э.⁵¹. А. И. Тереножкин датирует первый период срубной культуры XVI—XIV вв. до н. э. и, синхронизируя его вслед за К. Ф. Смирновым с алакульским этапом андроновской культуры⁵², дает основание датировать последний тем же временем.

В. С. Сорокин датировал Тасты-Бутак I, основываясь на данных радиоуглеродного анализа, XIII—XII вв. до н. э., отметив при этом, что этот памятник не является раннеалакульским и тяготеет к более поздним⁵³. О середине II тысячелетия до н. э. как дате для раннеалакульских памятников Южного Приуралья пишут М. Г. Мошкова и Э. А. Федорова-Давыдова⁵⁴. Таким образом, середина II тысячелетия до н. э. — время, когда в Южном Приуралье уже, бесспорно, существовало смешанное, срубно-андоновское население, а судя по наличию в андроновских керамических комплексах полтавkinских форм, начало этого процесса, может быть, можно отнести и к XVI—XV вв. до н. э.

⁴⁶ В. П. Алексеев, Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры, «Научные труды Ташкентского Гос. ун-та», вып. 235, Ташкент, 1964, стр. 22.

⁴⁷ Там же, стр. 23—24.

⁴⁸ Э. А. Федорова-Давыдова, К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье, стр. 90.

⁴⁹ К. В. Сальников, Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии, «Башкирский археологический сборник», Уфа, 1959, стр. 44.

⁵⁰ К. В. Сальников, История Южного Урала в эпоху бронзы, стр. 30.

⁵¹ К. Ф. Смирнов, Состояние и задачи археологического исследования Оренбургской области, стр. 18.

⁵² А. И. Тереножкин, Основы хронологии предскифского периода, «Сов. археология», 1965, № 1, стр. 64—65.

⁵³ В. С. Сорокин, Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I, стр. 89.

⁵⁴ М. Г. Мошкова, Э. А. Федорова-Давыдова, Указ. раб., стр. 140; Э. А. Федорова-Давыдова, К вопросу о периодизации памятников, стр. 90.

Надо полагать, что на территорию Южного Приаралья из Оренбургских степей, с северо-запада проникли группы населения, и культура, и антропологический тип которых имели смешанный срубно-андроновский характер. Эти люди в XV—XIV вв. до н. э. осели на территории Южной Акча-Дарьинской дельты, смешавшись с местным населением. Нет ли здесь противоречия в датировках? Думаю, что нет. Скотоводами и земледельцами Поволжья, во всяком случае уже в первой половине II тысячелетия до н. э., была приручена лошадь⁵⁵, а к середине II тысячелетия до н. э. коневодство уже было достаточно широко известно андроновским и срубным племенам, причем его широкому распространению в среде срубных племен способствовали, по мнению О. А. Кривцовой-Граковой и К. Ф. Смирнова, именно тесные и рано установившиеся связи между населением Южноуральских и Поволжских степей⁵⁶. Весьма симптоматичным является погребение частей коня или двух нерасчлененных туш коней на краю могил Алакульского могильника⁵⁷. Наконец, имеются факты, говорящие об использовании населением евразийских степей во II тысячелетии до н. э. двухколесных повозок. Если же учесть знакомство его в это время с коневодством и хорошо фиксируемые археологически довольно крупные племенные передвижения, в частности для середины II тысячелетия до н. э., станут возможными предположения об использовании лошади в качестве тягловой силы и о достаточной подвижности этих племен. С учетом всего сказанного дата появления тазабагъябских племен в Южном Приаралье вполне может быть увязана со временем появления срубно-андроновских комплексов в Южном Приуралье. Небезынтересно, что в остеологических материалах тазабагъябской стоянки Кават 3 были обнаружены кости лошади и там же была найдена глиняная фигурка лошадки⁵⁸, а в 1965 г. на поселении Кокча 15 была обнаружена глиняная модель колеса повозки с выделенной втулкой.

Итак, пришельцы с северо-запада смешались с местным населением. Кто же населял Южную дельту в первой половине II тысячелетия до н. э.? В конце III — начале II тысячелетия до н. э. это были кельтеминарские племена на поздней стадии своего развития⁵⁹, которое привело к возникновению памятников камышлинского типа. А. В. Виноградов, исследовавший позднелельтеминарскую стоянку Кават 7, высказал предположение, что древние камышлинцы являются прямыми потомками кельтеминарцев⁶⁰.

⁵⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Северное Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 70—71.

⁵⁶ Там же, стр. 72; К. Ф. Смирнов, О погребении с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье, «Сов. археология», XXVII, 1957, стр. 215.

⁵⁷ К. В. Сальников, Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 123—124.

⁵⁸ М. А. Итина, Раскопки стоянки Кават 3, стр. 105—106.

⁵⁹ С. П. Толстов и М. А. Итина, Указ. раб.

⁶⁰ Идею о генетической связи кельтеминарской и суярганской культур см.: Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957, стр. 53—54. Не оспаривая проявления южных влияний в керамике камышлинской культуры, В. М. Массон также высказал предположение, что памятники этой культуры принадлежат потомкам кельтеминарцев (В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1964, стр. 184, прим. 103). А. В. Виноградов, обобщивший большой материал по неолиту Хорезма в книге «Неолитические памятники Хорезма» (в печати), подкрепил свою гипотезу сравнительным анализом позднелельтеминарского и камышлинского материалов.

Короткогорлые сосуды с сильно раздутыми боками, окрашенные и залощенные, южные происхождение которых не вызывало сомнений, действительно, находят аналоги в позднелельтеминарском комплексе Кават 7. Такое решение само по себе заманчиво, так как оно дает возможность проследить исторический путь развития хорезмских аборигенов на протяжении тысячелетий и снимает, наконец, извечный нам вопрос — куда девались потомки кельтеминарцев. Однако количество известных нам памятников камышлинского типа еще очень невелико и среди них нет ни одного со

Как бы ни решился вопрос о генезисе камышлинской культуры, для нас важно то, что пришельцы с северо-запада встретили в Южной дельте население, в культуре которого четко прослеживались связи с земледельческим югом. И это не могло не сказаться на всем облике культуры пришельцев в ее дальнейшем развитии. Именно это сочетание срубно-андроновских и местных черт и дало нам то, что мы называем тазабагъябской культурой. Именно наличие этих раздутых, часто узкогорлых форм, отсутствие банок и вообще присущая тазабагъябским сосудам округлость и плавность профиля могут быть отнесены за счет влияния культуры аборигенов. Этим же влиянием можно объяснить, правда, очень редкие, случаи окраски тазабагъябских сосудов. К этому же кругу явлений относится и наличие среди черепов из могильника Кокча 3 экземпляра с индо-дравидоидной примесью, который мог представлять один из типов местного населения, может быть, даже восходящий к кельтеминарскому. Упомянутый выше восточносредиземноморский компонент частично, может быть, представлял и местное, не только срубное население, но об этом можно говорить лишь предположительно, так как антропологически уловить здесь разницу пока невозможно, а археологический материал дает основания утверждать наличие в культуре как срубных, так и южносреднеазиатских компонентов.

Однако, смешавшись с местным населением и создав новую культуру совершенно определенного облика, пришельцы с северо-запада внесли свой вклад в развитие культуры населения низовий Аму-Дарьи не только в виде новых форм сосудов, украшений и т. д.

Интересно, что с этого времени, т. е. с середины II тысячелетия до н. э., в Хорезме появляется новый тип жилища — полуземлянка. Судя по имеющимся у нас данным, основным типом жилища предшествующих эпох были наземные дома.

Тазабакъябские жилища, так же как и жилища срубной и андроновской культур, были полуземлянками прямоугольной формы. Со срубными жилищами их сближают сравнительно небольшие размеры⁶¹, колеблющиеся в пределах 100 м². В то же время, по заключению К. В. Сальникова, обычная площадь андроновской полуземлянки равна минимум 100 м², а встречаются дома, достигающие 400 м² и более⁶². При раскопках дома I на поселении Кокча 16 была впервые обнаружена суфа — вариант нар в срубных жилищах. Она расположена вдоль длинной восточной стены дома, имеет ширину 2,5—3 м и возвышается над полом на 15—20 см. Конструктивно она представляет собой невысокую ступень, вырытую в той же материковой породе, что и весь дом. Характерно, что на ее поверхности не было хозяйственных ям и очень мало находок.

Таким образом, по размерам жилищ тазабагъябские поселения ближе к срубным, чем к андроновским. Однако срубные жилища перекрывались двускатной крышей, опиравшейся прямо на поверхность земли, в то время как тазабагъябские дома, подобно алексеевским, имели еще и наземные стены в виде плетня, обмазанного глиной с саманом, основой которого были столбы, расположенные вдоль стен внутри жилища. Перекрытие было, очевидно, двускатным, покоившимся на крупных столбах в центре дома. Надо, однако, подчеркнуть, что такой принцип сооруже-

слоем, поэтому всякий сравнительный анализ и делаемые на его основании выводы могут иметь пока лишь предварительный характер.

⁶¹ И. В. С и н и ц ы н, Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. «Советская археология», XI, М.—Л., 1949, стр. 223; М. П. Г р я з н о в, Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону, КСИИМК, L, 1953, стр. 139.

⁶² К. В. С а л ь н и к о в, Андроновские поселения Зауралья, стр. 251.

ния стен имел в Хорезме, да и вообще в Средней Азии, и свои глубокие местные корни. Жилища нового для Хорезма типа — полуземлянки приобрели некоторые новые конструктивные черты применительно к новым климатическим условиям. Мы имеем в виду оригинальную конструкцию сооружения перед входом в дом, являющуюся по сути дела прототипом среднеазиатского айвана, открытую нами на поселениях Кокча 15 и 16.

Рис. 3. Поселение Кокча 15. Вид жилища до раскопок

Ориентация входа на юго-восток, видимо, подтверждает это предположение, так как в самое жаркое время дня, при наличии навеса над входом, такая ориентация обеспечивает максимальную тень.

Мы мало знаем пока о памятниках камышлинской культуры, т. е. о памятниках первой половины II тысячелетия до н. э., но все же можем судить, что в инвентаре ее важное место занимали орудия из кремня и кварцита, обработанные с двух сторон превосходной отжимной ретушью⁶³. В то же время раскопки тазабагъябских поселений и многочисленные сборы подъемного материала с них, как правило, почти не дают орудий из камня. Может быть, дело тут не просто в активно идущем процессе роста производительных сил общества в связи с увеличением роли земледелия и скотоводства в хозяйстве, но и в тех навыках в развитии металлургии меди и бронзы, которые должны были принести с собой обитатели Южного Приуралья. И, вероятно, способствуя более широкому развитию местной металлургии, в целом они все же изготавливают и внедряют в обиход вещи, сделанные по срубно-андроновским образцам (восьмеркообразные привески, бронзовые серпы андроновского типа и т. д.). Вот такой сложный конгломерат местных и срубно-андроновских черт и дает нам тазабагъябская культура. Но самым главным, что, по нашему мнению, определяет тазабагъябскую культуру как вполне самостоятельную, является очень ярко выраженное земледельческое направление ее хозяйства, которое теперь хорошо документировано большим комплексом стоянок с прекрасно сохранившейся ирригационной сетью, открытых Б. В. Андриановым в 1964 г. и обследованных нами в 1965 г. Работы 1965 г. на внутридельтовом пространстве между восточ-

⁶³ С. П. Толстов, М. А. Итина, Указ. раб., стр. 20, рис. 5.

ным и средним руслами Южной Акчадарьинской дельты Аму-Дарьи дали богатейший материал по характеру расселения и хозяйству тазабагыбских племен. Эта территория с севера имела естественной границей западное русло, принимающее южнее горы Кокча широтное направление, с юга — останцовую возвышенность с античной крепостью Джанбас-Кала. Вся эта площадь буквально пронизана сетью небольших внутريدельтовых протоков, имеющих в целом меридиальное направление. Вдоль этих русел, очевидно дамбированных, были обнаружены тазабагыбские поселения в виде скоплений двух-трех (в одном случае четырех) домов, окруженных прекрасно сохранившейся ирригационной сетью и полями. Эти оросительные системы, бесспорно, синхронны поселениям, так как ни в одном из известных нам случаев (а мы зарегистрировали около 30 домов) арыки их не пересекают. Огромная историческая ценность открытого района заключается еще и в том, что здесь нет никаких памятников более позднего времени, т. е. выходящих за пределы II тысячелетия до н. э. На поселении Кокча 15 эта система сохранилась лучше, чем на других известных нам поселениях (рис. 5). Русловый проток шириной 13—15 м прекрасно виден на поверхности в виде совершенно чистой такырной полосы с кустиками по краям-берегам (на чертеже показан пунктиром). На его южном и северном берегах великолепно сохранились арыки и поля (на северном берегу хуже). На южном берегу параллельно руслу идет арык, расположенный на расстоянии 12—14 м от русла. От этого арыка берут свое начало арыки, идущие по отношению к каналу под прямым или острым углом и дающие множество ответвлений, между которыми расположены квадраты полей. Сохранившаяся длина этих арыков достигает 150—200 м. Прямоугольники полей имеют разную площадь: 16×10, 10×10, 12×10, 7×7 м и т. д. Эти основные арыки с ответвлениями, каждый из которых образовывал как бы небольшую систему, соединялись между собой, и вся эта сеть и сейчас представляет довольно внушительное зрелище. Поля, близ могильника Кокча 3 единодушно интерпретировались как их исследователями, так и другими специалистами как остатки примитивных систем, представляющих собой небольшие обвалованные участки, расположенные в непосредственной близости от русла и орошаемые водами паводковых разливов⁶⁴.

Ирригационные системы на поселении Кокча 15 — это уже нечто принципиально новое, прежде всего потому, что люди для удержания воды на своих полях научились прорывать небольшие каналы и арыки. Арычная сеть весьма разветвленная и имеет значительную протяженность, причем «подвешена» она не к руслу, а к арыку, идущему параллельно руслу. Эта система по своей сложности напоминает среднеазиатскую оросительную сеть, которая была описана специалистами для начала I тысячелетия до н. э., уступая ей, конечно, в размерах. Нам представляется, что эта система является праобразом упомянутых более поздних систем. Идущий процесс затухания Акча-Дарьинской дельты вынуждал людей рыть арыки для орошения своих полей, но все же технические возможности были еще ограничены, и это заставляло земледельцев по-прежнему располагать свои поля в непосредственной близости от русла, рассчитывая, возможно и на увлажнение их в период паводка при поднятии уровня грунтовых вод. Но вместе с тем арычная сеть увеличивала возможности более длительного сохранения влаги на полях и, главное, расширяла орошаемую площадь.

Не вся обследованная в этом районе площадь, сохранившая следы ирригации и поселений, была освоена одновременно. Надо думать, что

⁶⁴ С. П. Толстов и Б. В. Андрианов, Указ. раб., стр. 5—6; Б. А. Латынин, Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия древней Ферганы, стр. 25.

дело тут не только в особенностях дельтового режима, но и, возможно, в происходившем процессе засоления отдельных участков и необходимости переноса полей на новое место. Открытие ирригационных систем столь развитой формы, естественно, заставляет думать, что ирригационное земледелие имело на данной территории свою предысторию. С дру-

Рис. 4. Поселение Кокча 16. Вид жилища после раскопок.

гой стороны, трудно предположить, что оно могло бы столь успешно развиваться, если бы пришедшие с северо-запада и осевшие в Южной дельте племена не обладали уже прочными земледельческими навыками.

Нам представляется, что навык местного населения в развитии ирригационного земледелия плюс земледельческий опыт срубно-андоновских пришельцев способствовали столь успешному и интенсивному развитию земледельческого хозяйства тазабагъябских племен. И, как мы уже говорили, именно руководящая роль земледелия в хозяйстве и является одним из основных доводов в пользу выделения тазабагъябской культуры как вполне самостоятельной среди других культур степной бронзы⁶⁵.

В последнее время Б. А. Литвинским была выдвинута идея о том, что в настоящее время мы имеем все основания выделить среди культур степной бронзы Средней Азии по крайней мере три культуры: таза-

⁶⁵ Эта же мысль относительно значения земледельческого хозяйства у тазабагъябцев была высказана В. М. Массоном, который, характеризуя памятники степной бронзы Средней Азии, писал: «Общее наименование всех этих памятников андроновскими едва ли является удачным». И далее: «Различия этих племенных групп (тазабагъябской и кайрак-кумской. — М. И.) и их отличия от племен, проживающих на территории Казахстана, во многом были связаны с различиями в хозяйстве. В частности, тазабагъябские племена уже знали начальные этапы искусственного орошения полей, что не характерно для степных пространств Казахстана» (В. М. Массон, Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии, «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 53). Однако в своей последней работе В. М. Массон от этой точки зрения, видимо, отказывается, так как считает тазабагъябскую культуру одним из вариантов андроновской культуры и никак не оговаривает существующие между ними хозяйственные различия (В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, стр. 184). А между тем новые данные как раз подтверждают высказанную им ранее точку зрения.

багъябскую, кайрак-кумскую и семиреченскую. При этом он вполне признает наличие срубно-андроновского компонента в тазабагъябской культуре, полагает, что кайрак-кумская испытала на себе сильное влияние андроновской культуры и в какой-то мере срубной — последней, может быть, через тазабагъябскую, а также отмечает влияние южных земледельческих культур на кайрак-кумскую культуру. Культуру эпохи бронзы Семиречья Б. А. Литвинский считает просто андроновской⁶⁶. Выдвигая эту точку зрения, Б. А. Литвинский возражает С. П. Толстову и М. А. Итиной, которые якобы «предложили прежнее обозначение степной бронзы Средней Азии как «андроновской» заменить новым обозначением «тазабагъябская»⁶⁷. В свое время речь шла о том, что появление в низовьях Зеравшана, на Сыр-Дарье (Ташкентская обл. и Кайрак-Кумы), в южных земледельческих областях Средней Азии комплексов или отдельных находок, принадлежащих к культуре степной бронзы, указанные авторы связывали с продвижением степных племен, в частности тазабагъябских, во второй половине II тысячелетия до н. э. в южном направлении⁶⁸. При этом они имели в своем распоряжении довольно скудные материалы, а те из них, которые были опубликованы (и это особенно касается керамики), не давали оснований для причисления их к андроновским древностям и по многим признакам скорее могли быть причислены к тазабагъябским. В те годы Я. Г. Гулямов просто писал, что в низовьях Зеравшана во второй половине II тысячелетия до н. э. была распространена культура, аналогичная тазабагъябской⁶⁹, а Б. А. Литвинский в предварительной публикации кайрак-кумских материалов писал, что керамика из этого комплекса близка тазабагъябской⁷⁰. За прошедшие с тех времен годы А. Аскарлов опубликовал серию статей по культуре эпохи бронзы низовьев Зеравшана, назвав ее несколько комплексно «андроновско-тазабагъябской»⁷¹, а в другом месте определив ее как «тазабагъябский вариант андроновской культуры»⁷². Б. А. Литвинский, в свою очередь, дал исчерпывающую публикацию кайрак-кумских находок⁷³. Кроме того, очень интересное обобщение новых данных по степной бронзе Средней Азии сделано им на страницах «Истории таджикского народа»⁷⁴. В результате, как мы уже говорили, он решительно выдвинул идею о существовании самостоятельной кайрак-кумской культуры, включив в ареал ее распространения и низовья Зеравшана. С последним нам трудно согласиться. Как бы ни называть комплексы эпохи бронзы с Махан-Дарьи, все равно облик их материальной культуры более всего роднит их с тазабагъябскими памятниками, о чем пишет и А. Аскарлов⁷⁵. При этом совершенно не исключается, что культура эпохи развитой бронзы низовьев Зеравшана могла испытывать на себе влияние

⁶⁶ Б. А. Литвинский, Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайрак-Кумов, стр. 288.

⁶⁷ Там же, стр. 290.

⁶⁸ С. П. Толстов, М. А. Итина, Указ. раб., стр. 30.

⁶⁹ Я. Г. Гулямов, Археологические работы к западу от Бухарского оазиса, стр. 149.

⁷⁰ Б. А. Литвинский, Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956 г., «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. ХСІ, Душанбе, 1959, стр. 46.

⁷¹ А. Аскарлов, Низовья Зеравшана в эпоху бронзы, стр. 3.

⁷² Там же, стр. 17.

⁷³ Б. А. Литвинский, Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайрак-Кумов.

⁷⁴ «История таджикского народа», т. I, М., 1963, стр. 94—133.

⁷⁵ А. Аскарлов, М. П. Грязнов и некоторые другие исследователи вообще не признают на территории степной Средней Азии иной культуры, чем андроновская, и, в крайнем случае, ставят знак равенства между андроновской и тазабагъябской культурами.

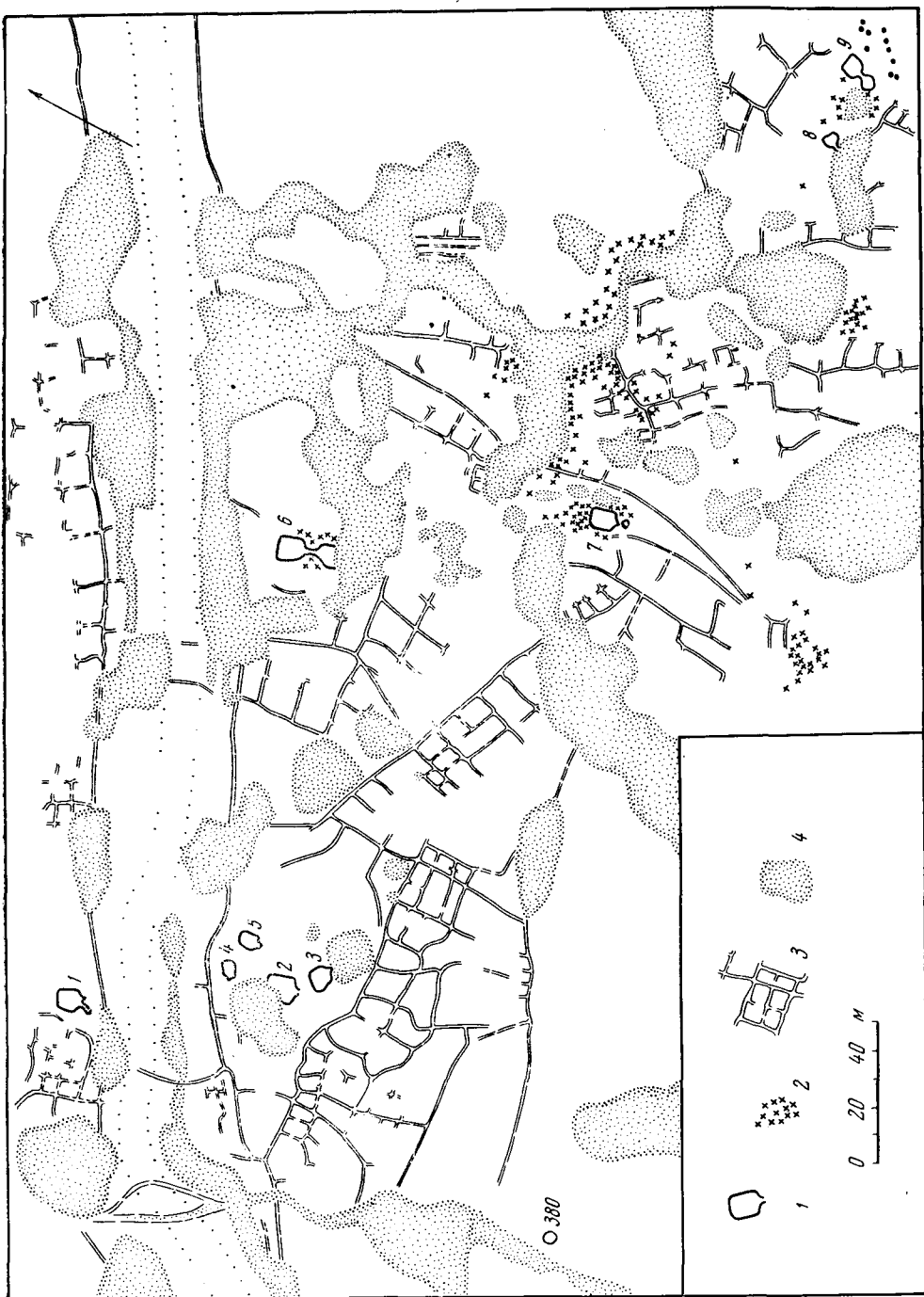

Рис. 5. План поселения Кокча 15. 1 — дома; 2 — скопления керамики; 3 — арыки и поля; 4 — деревянные пески.

и кайрак-кумской культуры и, с другой стороны, что кайрак-кумская культура испытывала на себе влияние тазабагъябской (о чем пишет и сам Б. А. Литвинский). Итак, по Б. А. Литвинскому, низовья Зеравшана — зона контакта между тазабагъябской и кайрак-кумской культурами; преобладающей в комплексах с развешенных поселений является кайрак-кумская керамика, а сами поселения — кайрак-кумского типа⁷⁶. Памятники Ташкентской, Самаркандской областей и степная бронза Ферганы принадлежат к кайрак-кумской культуре⁷⁷. Тазабагъябская культура существует, но лишь в низовьях Аму-Дарьи⁷⁸. В итоге мысль Б. А. Литвинского сводится к тому, что «гипотеза о передвижении тазабагъябцев на юго-восток не имеет под собой фактического основания. Долины Зеравшана, средней и верхней Сыр-Дарьи отнюдь не были безжизненными в ту эпоху, когда хорезмские племена создавали высокую культуру эпохи бронзы — одновременно и параллельно существовала родственная, но не тождественная культура и в других областях северной части Средней Азии»⁷⁹.

Однако самый факт передвижения племен отнюдь не предполагает заселение ими совершенно необитаемых территорий. Мы имели возможность убедиться в том, что пришельцы с северо-запада, бесспорно, встретили в Хорезме местное население. Надо полагать, что тазабагъябские племена, которые проникли в низовья Зеравшана, также столкнулись там с потомками древних заманбабинцев. И даже если на территории Ферганы кайрак-кумские находки до недавнего времени оставались самыми ранними, это вовсе не давало оснований для предположения об отсутствии там более древнего населения. Так, исследования навеса Ак-Танги показали наличие там более раннего энеолитического слоя, и это заставляет авторов раскопок предположить, что формирование кайрак-кумской культуры могло происходить на местной основе при значительной роли ранне-андроновских элементов, пришедших сюда с севера⁸⁰. Так что и в этом случае пришельцы явились не на пустое место.

Именно результаты работ в Ак-Танги являются основным доводом их авторов в пользу невозможности продвижения тазабагъябских племен в юго-восточном направлении. Речь идет о датировках. Поскольку «датировки раннего этапа кайрак-кумской культуры подтверждаются данными радиоуглеродного анализа образца из II (нижнего) слоя бронзы в Ак-Танги», а «слой II в целом синхронен раннему тазабагъябу»⁸¹, такое передвижение тазабагъябцев представляется Б. А. Литвинскому и В. А. Ранову невозможным. Слой бронза II в Ак-Танги дал абсолютную дату 3120 ± 140 ⁸², что, по нашему подсчету, дает начало XIII — конец XI в. до н. э., а по подсчету авторов публикации, — почему-то начало XVI — конец XII в. до н. э.⁸³. Если абсолютная дата верна, она не дает

⁷⁶ «История народов Таджикистана», т. I, стр. 121. Судя по тексту, принадлежность поселений низовьев Зеравшана к кайрак-кумскому типу определяется тем, что состоят они из полуземлянок и, в одном случае, в такой полуземлянке была обнаружена цепочка из трех очагов. Но полуземлянка — широко распространенный тип жилища в степной зоне Евразии в эпоху бронзы, цепочка очагов встречена всего один раз, а поселения низовьев Зеравшана, равно как и кайрак-кумские, в большинстве случаев развешенные.

⁷⁷ «История народов Таджикистана», т. I, стр. 119—120.

⁷⁸ Б. А. Литвинский, Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайрак-Кумов, стр. 288.

⁷⁹ Б. А. Литвинский и В. А. Ранов, Раскопки навеса Ак-Танги в 1961 г. «Труды Ин-та истории АН ТаджССР», т. XLII, Душанбе, 1964, стр. 24.

⁸⁰ Б. А. Литвинский и В. А. Ранов, Указ. раб., стр. 23.

⁸¹ Б. А. Литвинский и В. А. Ранов, Указ. раб., стр. 23.

⁸² Б. А. Литвинский и В. А. Ранов, Указ. раб., стр. 24.

⁸³ Там же.

оснований для заключений, сделанных авторами. Материал из Ак-Танги практически почти не опубликован, так что в остальном нам пока трудно спорить с Б. А. Литвинским и В. А. Рановым, но все же нам представляется следующее. Факт появления тазабагьябских племен в низовьях Зеравшана кажется несомненным. Нет никаких оснований считать невозможным появление их и в Фергане, тем более что в кайрак-кумской культуре прослеживается влияние тазабагьябской, а Зеравшан бесспорно мог сыграть роль связующего звена между этими двумя областями. Ведь Б. А. Литвинский не только отмечает наличие кайрак-кумских влияний в культуре низовьев Зеравшана второй половины II тысячелетия до н. э., но даже включает всю эту область в ареал распространения кайрак-кумской культуры, а значит признает возможным передвижение носителей кайрак-кумской культуры на значительные расстояния. Почему же он отказывает в этой возможности тазабагьябским племенам? Как мы могли убедиться, факты в пользу этого имеются, а противоречий в датировках, о которых писали Б. А. Литвинский и В. А. Ранов, нет.

Вторая половина II тысячелетия до н. э. — время установившихся контактов между населением степного мира Евразии и более южными районами. Об этом свидетельствует появление керамики степного типа в южных областях Средней Азии на памятниках земледельческой культуры. Можно соглашаться или не соглашаться с принадлежностью их к той или иной культуре, но факт продвижения степных племен в южном направлении, факт вступления их в контакт с земледельцами остается бесспорным. И тазабагьябские племена, возможно, наряду с другими племенами культуры степной бронзы на территории Средней Азии, принимали активное участие во всех этих сложных исторических процессах.

SUMMARY

The Tazabaghyab culture of the Bronze Age in Khwarizm is comprised into the area of cultures of the Steppe Bronze of Eurasia. The researchers succeeded to confirm an affinity of its material culture, as pottery, tools, ornaments etc. to the Andronovo culture in its Western Kazakhstan variation and even in a more considerable degree with the timber-grave culture. The sources of origin of the Tazabaghyab culture are to be looked for not in the Khwarizm proper but north-west of Southern Aral region, in the Southern Ural area, and Ohrenburg steppes, where beginning with the middle of the 2-d millennium B. C. a process of mixture between Andronovo and timber-grave tribes was taking place.

The Tazabaghyab culture is not however a mere variation of timber-grave or Andronovo culture. It is a fully independent culture which was definitely formed in Khwarizm as a result of mixture of aborigenes with newcomers.

The bearers of the Tazabaghyab culture practised an irrigated agriculture and cattle-breeding. The experience of the aboriginal population in the development of the irrigated agriculture combined with the agricultural experience of the timber-grave — Andronovo migrants favoured a successive and intensive development of the agricultural economy among the Tazabaghyab tribes. It is a leading part of the agriculture in their economy that can serve as one of the main proofs in favour of a specification of the Tazabaghyab culture as a completely independent one among other cultures of the Steppe Bronze.